

тельстве. Цензурный комитет вновь становится на ноги, каким он был раньше, пока его не уничтожил в бозе почивший император“¹.

Однако и в этом случае примечание о Леопольде II могло быть напечатано Радищевым лишь в середине апреля. Оно помещено на 340 странице «Путешествия», где кончается глава «Торжок», а во всей книге 453 страницы; значит, последние главы, включая «Тверь», в которой помещена ода «Вольность», напечатаны во второй половине апреля и в первой половине мая 1790 г.; по свидетельству книгопродавца Зотова, взятого под стражу 26 июня 1790 г., первые экземпляры «Путешествия» «вступили к нему в мае месяце»; припоминал на допросе и Вальц, что он получил пакеты с книгами для А. М. Кутузова, находившегося тогда в Берлине, также в мае. Очевидно, новейшие известия о цензуре во Франции и Германии внесены были в главу «Торжок», когда уже не оставалось времени для исторического очерка цензуры в России; да едва ли Радищев и намерен был дать такой очерк. Кончая главу и подводя итог мероприятиям Иосифа II, Радищев пишет: «Чему дивиться? скажем и теперь, как прежде: он был царь. Скажи же, в чьей голове может быть больше несообразностей, если не в царской? В России. . . Что в России с цензурою происходило, узнаете в другое время. А теперь, не производя цензуры над почтовыми лошадьми, я поспешно отправился в путь» (340).

IV

«Торжок» занимает 52 страницы (289—340); из них ни одна не пропущена в замечаниях императрицы на «Путешествие». Она пишет: «[страницы] 289—305 [т. е. вся первая часть главы «Торжок»] содержат опорочивание цензуры книг, и тут довольно смело и поносительно говорится о власти и правительствах, которые сочинителем, как видно, ненавидимы; [страницы] 306—340 [вся вторая часть главы] о той же цензуре; сильнейшие места карандашом означены [в экземпляре, переданном ею С. И. Шешковскому]; на последней написаны сии слова: „он был царь, скажи же, в чьей голове может быть больше несообразностей, если не в царской?“ Сочинитель не любит царей и, где может к ним убавить любовь и почтение, тут жадно прицепляется с редкою смелостию».

Руководясь замечаниями Екатерины, Шешковский спросил Радищева в тайной экспедиции: «Почему вы хотите уничтожить цензуру?»

«Признаю мое заблуждение, — отвечал Радищев: — я так думал, что без нее можно обойтись, но теперь вижу из собственного своего опыта, что она полезна потому более, что если она будет существовать так, как законодательница учредить изволила, то

¹ «Schreiben aus Wien vom 27 März — Der Geistlichkeit sind bereits verschiedene neue Vortheile zugestanden worden der ihnen unter der vorigen Regierung nicht verstatet wurden. Die Censur-Commission kommt wieder auf den Fuss, wie sie war, ehe sie der höchstsel. Kaiser aufhob».